

The background of the entire page is a photograph of a weathered wall. The wall is constructed from a mix of grey stones and red bricks. Several thick, gnarled, light-brown tree roots or vines are draped over the wall, some extending from the top left and others from the bottom right. The overall tone is somewhat muted and historical.

ЕКАТЕРИНА ШИРОКОВА

НАСТОЯЩАЯ ИСТОРИЯ ЗЛОЙ МАЧЕХИ

УЗНАЙ, КАК ВСЁ БЫЛО НА
САМОМ ДЕЛЕ

16+

Настоящая история злой мачехи

Екатерина Широкова

Настоящая история злой мачехи

«Автор»

2021

Широкова Е. Н.

Настоящая история злой мачехи / Е. Н. Широкова — «Автор»,
2021 — (Настоящая история злой мачехи)

ISBN 978-5-532-97288-9

Она на самом деле думала, что полюбит эту девочку. Не смутили даже многочисленные профессиональные няни, отчего-то сбегающие в ужасе. Детишки, инстинктивно расползающиеся прочь на детской площадке, явно чувствовали неладное, зато взрослые скорее завидовали — ещё бы, такая красивая семья.

ISBN 978-5-532-97288-9

© Широкова Е. Н., 2021

© Автор, 2021

Екатерина Широкова

Настоящая история злой мачехи

На самом деле я и не жду, что кто-то мне поверит. Расскажи мне такое раньше – первая засмеяла бы. А начиналось всё, как в сказке. И кто же знал, что чудища на самом деле существуют?

Когда я выходила на дежурную прогулку в парк, только ленивый не заглядывал в коляску, восхищаясь её кукольной красотой. Необыкновенной синевы глазища сразу насаживали на крючок любое мало-мальски впечатлительное сердце, да и разодета она всегда была, как на обложку журнала – папочка за этим следил и требовал того же от меня. Неважно, устала ли я и сколько часов сегодня удалось поспать – его жена и дочь должны выглядеть идеально на публике, и точка.

Миллион раз слышала, как за моей спиной перешёптывались с некоторой завистью – а если к нам вдруг присоединился сам Царёв, то уж, как пить дать, равнодушных не бывало. Вызывающая картина в стиле «жизнь удалась».

И да, она действительно умела очаровывать. Зато детишки по малолетству были более восприимчивы – какая-то первобытная тяга к выживанию заставляла их стремительно покидать песочницу или бросать единственные качели, когда Алёна, уверенно переступая ножками, приближалась к ним с самой непосредственной улыбкой. Никто из взрослых этого не замечал, кроме меня, ну а я делала вид, что всё в порядке, пока мамыши придирчиво изучали нашу чудо-девочку.

Вообще полюбить её было легко.

Когда Царёв в первый раз обратил на меня внимание, мне было всего двадцать. Только что сданная сессия, лето, купленное по случаю платье – знакомство с папкиным партнёром по теннису, тогда показавшимся слишком старым и слишком женатым для меня, не должно было вылиться ни во что, кроме лёгкого флирта под зорким взглядом его красавицы-жены.

Во второй раз мы пересеклись уже тогда, когда он превратился в обескураженного вдовца с жизнерадостным розовым свёртком в придачу – новорожденная так и не познакомилась со своей мамой, насколько я знаю. Царёв не любил рассказывать подробности, а мне было неудобно расспрашивать.

Ухаживание было стремительным, как ураган – и вот уже мне показывают малышку, красивую и безмятежную. Меня не смутило, что за несколько месяцев у Алёны сменилось несколько квалифицированных нянь, хотя Царёв упоминал между прочим, что они почему-то постоянно уходят без объяснения причин. Та, последняя, выглядела довольно испуганной, и с затравленным выражением лица вручила мне младенца, как будто наконец избавилась от него.

Алёна просто посмотрела мне в глаза, крепко ухватила мой мизинец своей крохотной ладошкой и улыбнулась совсем по-настоящему. В этот момент я и решила, что выйду за него.

Единственная, кто выпадал из общего фона советчиков, наставлявших хватать удачу за хвост, когда выпадает такой лотерейный билет, была моя школьная подруга, долговязая Маша.

Только она сказала, что быть мачехой – то ещё удовольствие и никакие коврижки не заставили бы её согласиться на такое. Смешно, учитывая, что женихи никогда не бегали за ней толпами, но...

Всё оказалось не так, как я представляла себе в мечтах.

Ну что поделаешь, замужество требует жертв.

Медовый месяц с Царёвым закономерно превратился в насыщенный практический курс по освоению материнского максимума, а о сдаче кандидатского минимума для своей аспирантуры пришлось пока забыть. Как потом выяснилось, навсегда.

Бледная няня с трясущимися от страха губами сбежала в день моей первой встречи с малышкой, как только закончила показывать, где что лежит и как греть смесь, при этом она явно старалась не смотреть в сторону Алёнки.

Дальше я сама худо-бедно преодолевала естественную неловкость в обращении с младенцами и недоумевала, с чего напустили столько ужасов? Нормальный же ребёнок.

Почему же милая девочка заставляла панически бежать целую толпу взрослых дам с впечатляющим опытом работы? Судя по резюме, все они могли бы научить новорожденных играть на рояле, не отвлекаясь от смены подгузников, но мне тогда некогда было серьёзно размышлять о таких абстрактных вещах. Сбежали, ну и ладно.

Царёв отработывал мотивационную часть, как только мог, развлекая и одаривая молодую жену на всю катушку, а я старалась освоиться в роли образцовой мачехи, и даже, не побоюсь этого слова, матери. Идиллия в полный рост.

Вспомнить сбежавших нянь пришлось где-то в Алёнкин год. Я уже могла смело претендовать на звание мать года, не меньше, когда она вдруг заболела и принялась натужно кашлять. Консилиум врачей постановил не волноваться и сохранять спокойствие, а потом случился тот приступ.

Помню, как я сидела у её кровати и пыталась сбить жар хоть растиранием, потому что всё остальное уже не помогало, а прибежавшая на вызов медсестра чуть замешкалась с капельницей. Алёнка прямо на глазах начала задыхаться – она отчаянно пыталась набрать побольше воздуха, но ничего не получалось. Вздохи вдруг стали очень-очень короткими, и я испугалась, что прямо сейчас всё закончится.

Вот тогда и вышло то самое.

Совершенно неожиданно румяная и вполне крепкая медсестра ойкнула и схватилась за горло, синея прямо на глазах, а Алёнка так же синхронно приходила в себя, как будто жизнь и сама способность дышать рывками перекачивалась из тяжело осевшей на пол девушки в маленького ребёнка.

Первой моей реакцией было остановить это. Не понимая, что делаю, я схватилась за безжизненную ладонь медсестры и просто попыталась вернуть всё обратно. Она вроде бы очнулась и посмотрела сквозь меня абсолютно отрешённо, но ей точно полегчало, это было отчётливо видно.

И тут я снова услышала сипение сверху, с кровати. Алёнке стало хуже.

Решение моё было инстинктивным и позже я никогда к нему не возвращалась, не пыталась задним числом обдумывать и взвешивать за или против.

Я развернула поток в обратную сторону и выглянула в коридор, чтобы крикнуть дежурному по отделению, что тут человеку плохо.

Потом я никогда не узнавала, что стало с той медсестрой. Увезли её без сознания. Надеюсь, всё закончилось хорошо. Не хочу знать.

Алёнка выздоровела мгновенно.

Царёву я тоже ничего не рассказывала, да он бы и не понял и уж точно не поверил. Он относился к тому типу людей, для которых весь мир можно взвесить, обмерить, точно оценить и решить, как правильно использовать. Поскольку в его системе координат мне полагались исключительно плюшки, а быть ценным приобретением для меня легче лёгкого, то я не видела никаких оснований пугать его необъяснимым.

Он действительно обожал свою дочь и очень привязался ко мне, обнаружив, что не ошибся при выборе новой жены. Мне в те годы думалось, что он вообще никогда не ошибался.

Думаю, можно довольно уверенно заявить, что и я его любила. Во всяком случае, Царёв вызывал у меня восхищение той силой и предельной аккуратностью, с которой он решал все вопросы, хоть пустяковые, хоть глобальные.

Но мои чувства к его дочери – это совсем другая, отдельная тема.

Желание сделать всё «на пять» постепенно трансформировалось в стойкую привычку оберегать её, а она вполне искренне отвечала на заботу, так что вскоре я забыла про тот жутковатый случай с медсестрой и он затерялся в текучке, как со временем растворяется приснившийся когда-то кошмар, – или позволила себе сделать вид, что забыла.

Пробуждение было резким.

Мы тогда часто гуляли с Алёнкой от дома и к Ленинградке, долго-долго вдоль трамвайных путей, посмотреть на круг из рельсов и сразу обратно – почему-то ей надоело заходить в сам парк, где полно других детей и есть даже аттракционы, внезапно потерявшие свою привлекательность.

В тот злополучный день Алёнка пожелала изменить программу и мы отправились «завести себе новых друзей». Внимание привлекла маленькая девочка в ярко-красной шапке, что-то требующая от своей бабушки. Кажется, уже видела их здесь раньше – значит, местные.

Причиной спора стал бесхозный щенок, явно нацеленный на внимание девочки и кусок пирожка с мясом – те как раз перекусывали, сидя на скамейке. Бабушка была не против поделиться съестным, но вот прямой контакт с пушистым и жизнерадостным комком шерсти почему-то категорически не одобряла.

Когда мы подошли ближе, причина всплыла сама собой – девочка в красной шапке начала стремительно отекать. Видимо, аллергия на собак, да ещё и какая! Кто-то побойчее уже звонил в скорую, а бабушка бессмысленно металась и не знала, за что хвататься, кроме как за этого бедного и ни в чём не повинного щенка.

Алёна вдруг встала, как вкопанная, и я наклонилась к ней, чтобы узнать, в чём дело.

Та помотала головой и просто показала пальцем на девочку в красной шапке.

То, что я увидела, сразу напомнило старательно задвинутую в чердак памяти медсестру – жизненная сила потекла от бабушки к девочке, и на этот раз я почти видела сам поток, как струящийся по земле и липнувший к их ногам дым. Бабуля схватила за шею и словно пыталась скинуть что-то, что мешало ей дышать, но ничего не выходило. Похоже, больше никто не видел, что происходит, кроме меня и Алёнки – все смотрели только на малышку.

Я выпрямилась и попыталась отвести поток прочь от бабули, вот только куда? Кругом лишь мамы с детьми... И щенок. Как ни странно, всё получилось. Он тут же завалился на бок и жалобно заскулил, закрыв глаза. Бабушка с внучкой одновременно ожили и порозовели.

Толпа постепенно разошлась, поняв, что на сегодня зрелищ больше не ожидается, а собаку не было видно из-за огромной коляски для близнецов, подъехавшей с другой стороны дорожки.

Я схватила Алёнку в охапку и понеслась прочь, надеясь, что она ничего особенного не заметила, а та вдруг стала вырываться и кричать, что это я во всём виновата.

– Что ты сделала с собачкой? Что, что ты сделала? – она так разволновалась, что еле подбирала слова и даже чуть заикалась.

– Я ничего не делала, – сначала я ещё не поняла, почему она вообще обвиняет именно меня.

– Нет, делала! Та девочка взяла у бабушки свой вдох, а ты! Зачем? Зачем ты обидела собачку?

– Что ты имеешь в виду? – поставила её перед собой и присела на корточки, удерживая её за плечи и пытаясь понять, что же она хочет сказать.

– Я не хочу, чтобы ты обижала собачку!

– А бабушку? Бабушку можно?

Лицо Алёнки сейчас было очень рассерженным, но тут она начала говорить медленно, будто сдерживая себя, как взрослая.

– Я всё видела, что ты сделала. Ты плохая. Не делай так.

– Почему? – немного растерялась от мысли, что Алёнка действительно поняла, что произошло.

– Потому что так нельзя.

– Знаешь, что? – набрала побольше воздуха. – Я же твоя мама и мне лучше знать, как быть.

– Нет. Я знаю, ты не моя настоящая мама. Но моя мама придёт за мной, – она сильно побледнела при этих словах, но смотрела твёрдо и яростно.

Никак не могла понять, а откуда она узнала, что я не её мать? Какая добрая душа не постыдилась раскрыть глаза ребёнку? Вот ведь любят некоторые граждане за правду радеть...

Старалась сосредоточиться на этом виде гнева, чтобы поменьше думать о том, как Алёнка и та девочка в парке могут нападать на людей, когда их загоняют в угол. И почему я могу, при желании, поменять местами охотника и жертву или даже выбрать кого-то ещё на замену?

Всё равно вспомнились и няни, отчего-то в ужасе сбегающие от ещё маленькой Алёнки, и та несчастная медсестра.

Сходу толково поговорить с ребёнком не получилось – выпалив идеи про настоящую маму, которая спасёт от злой мачехи, то есть от меня, Алёнка сразу же замкнулась и обиженно молчала всю дорогу домой. Я же судорожно пыталась придумать, как сейчас правильно выстроить отношения с падчерицей, чтобы не наломать дров.

Не думайте, что я не пришла в ужас – конечно, да, и ещё как! Но Алёнка уже была частью моей жизни, и очень счастливой жизни, надо сказать. Я не могла просто взять, например, руку или ногу, и решить – плохая, не нужна теперь, ведь я действительно относилась к ней, как к родной.

И ещё меня здорово смутили её слова «взяла у бабушки свой вдох». А что же тогда случилось со сбежавшими нянями? Они вроде бы ни на что такое не жаловались и дышали прекрасно, просто увольнялись одна за другой. Может быть, стоит найти их и попробовать разговаривать, хотя Царёв и пытался выяснять по горячим следам, но он явно не знал, что спрашивать.

Кстати, о Царёве. Как я могу просто взять, и сообщить, что его дочь и ещё какие-то другие дети обладают способностями забирать нечто жизненно важное? А я, как постовой на перекрёстке, могу этим процессом управлять. Не думаю, чтобы он осудил мой выбор. Но смог бы он принять такую правду? Не уверена.

Перед сном, когда в детской комнате из света остался только уютный ночник над кроватью в виде нескольких звёздочек и полумесяца, Алёнка чуть оттаяла и вдруг снова возникло это тёплое чувство близости и общей тайны, и мы смогли немного пошептаться.

Она ревниво проверила по выражению моего лица, не собралась ли я, часом, смотреть удочки, раз она твёрдо намерена всё равно дожидаться маму «настоящую», и доверительно зашептала мне на ухо, что мама уже приходит к ней по ночам.

Я только подумала, что это не так уж и плохо – воображаемый друг в виде матери, которую она и не знала, как Алёнка уверенно ткнула пальцем за мою спину.

– Она иногда там сидит. Вся в паутине. И не шевелится, а просто глядит.

И вот тут меня обдало холодом, потому что внезапно я кое-что вспомнила.

Тёмную комнату с крашеными в два цвета стенами: белый верх, тёмный низ. Деревянные рамы на окнах, очень широкие и высокие подоконники и настырный фонарь в окне, мешающий уснуть. Что-то очень казённое во всём этом, а я лежу на кровати под тонким одеялом и у меня жутко замёрзли ноги. С одной стороны – ещё такие же кровати, их много, а с другой – одинокий стул у двери. Мне отчего-то очень грустно, и я всё смотрю на тот стул со странной надеждой увидеть там маму. И я вижу её – молодая женщина, наверняка – очень красивая, но черты лица разобрать невозможно, потому что вся её тонкая фигура обмотана паутиной.

Я медленно, очень медленно оборачиваюсь, не отпуская Алёнкину руку, и вижу... Пустое кресло-качалку.

– Она сейчас здесь? – и жду ответа, не в силах даже пошевелиться.

– Нет, мам. Сейчас её нет, – и лёгкий, радостный смех. – Спокойной ночи, мама!

Царёв заметил – что-то неладно. Обычно он, при всей своей педантичной дотошности даже в самых малозначащих деталях, бывал удивительно глух к эмоциям других людей, но не сейчас.

– У вас с Алёнкой всё хорошо? Мне показалось за ужином, что между вами кошка пробежала.

– Мы сегодня в парке видели, как человеку плохо стало, – как известно, полуправда – самая лучшая разновидность лжи, – может быть, она немного расстроилась из-за этого. Мне пришлось в темпе увести её домой, чтобы не акцентировать, а она закапризничала и прогулка накрылась медным тазом.

– Да? А мне Алёнка по секрету сказала, что-то плохое случилось с щенком. Вы уж определитесь! – и он улыбнулся так открыто и доверчиво, что я поняла – он и мысли не допускает, что мы реально повздорили.

– Щенок тоже был задействован, – невозмутимо добавила и сама удивилась, как естественно вышло.

– Ну понятно, что ничего не понятно, – он прикоснулся к моей щеке. – Ты у меня такая молодец! Отлично справляешься. Иногда я думаю, что сказки про злою мачеху выдумали недалёкие и завистливые люди, но понимаю, что это просто ты у меня такая замечательная.

Вот так у нас с Алёнкой и появился свой очень-очень страшный секрет, в который не посвятили даже отца и мужа. Она знала, что я знаю и могу помешать ей, а я вроде бы была готова, что она может быть маленьким монстром с невинными детскими глазами.

Видимо, только этим и можно объяснить мою живучесть рядом с потенциально опасным ребёнком. Под ударом тот, кто больше всего заботится, а у меня, похоже, иммунитет к чудищам.

Как же я ошибалась!

Но пока я не могла ни о чём другом думать, кроме как о женщине в паутине, сидевшей в темноте, и о странных вывертах памяти.

Всплывшее воспоминание прямо-таки кричало: до того, как начинаются картинки из счастливого детства с любящими родителями, там явно было что-то, до боли напоминающее детский дом. Нет, конечно, это мог бы быть и санаторий или что-то похожее, с родителями за забором, которые только и ждут возможности передать гостинцы своему драгоценному чаду, но вера в подобный расклад предательски стремилась к нулю.

Нужно было срочно поболтать с мамой, чтобы заглушить ноющее чувство выбитой из-под ног земли. На следующий день мы поехали на Кутузовский – навестить нашу бабушку.

Только увидев её в дверях, мне уже стало гораздо легче – рядом с моей мамой всё кажется стабильным и правильным. Возраст никогда не мешал ей выглядеть на все сто и тщательно следить за внешностью и здоровьем, чего она, кстати, всегда требовала и от других, кому повезло попасть под её крыло. Папка у неё ходил по стойке смирно и питался исключительно сбалансировано, позволяя себе отрыв только в предельно конспиративной обстановке.

Мамуля ужасно обрадовалась мне и тут же пристроила Алёнку к новым раскраскам, купленным специально на случай такого визита. Пока та закрашивала мелкие фигуры, высунув от старания язык, я позвала маму на кухню, поговорить.

С мамой так просто на серьёзные темы не выйти – по давным-давно заведённому ритуалу сначала обязателен обмен тонной ежедневных подробностей: где была, что купила, кто и что сказал. Сегодня хитом программы стал коллагенит – она наконец выбрала правильный коллаген и уже успела на себе заметить его отличный эффект. Конечно, мне тут же был подарен пузырёк со строгим наказом принимать, как положено.

Вот какой с такой заботливой мамой заговорить о своей приёмности, скажите на милость? Но мне пришлось резать по живому, я просто не могла молчать.

Услышав историю про казённый дом, мамуля побледнела и даже как будто схватила за сердце, но ничего, бодрячком. Она у меня – как Великая китайская стена, стоит назло всем ветрам и внушает непоколебимую уверенность своей готовностью тут же решать любые затруднения.

Некоторое время она молчала, потом несколько раз торжественно набирала побольше воздуха, чтобы что-то сказать, но так и не решалась. А потом вдруг схватила меня за руки и уже начала рассказывать, не останавливаясь.

Не каждый день узнаёшь, что ты приёмный.

Пока мама судорожно объясняла, очень боясь ранить меня и стараясь максимально сгладить удар, как они с папкой мечтали о дочке, и как однажды – совершенно случайно – услышали разговор, что вот же повезёт кому-то, такая девочка получила статус к усыновлению, просто загляденье.

Это была их старая знакомая, по совместительству – директор детдома, но она никогда не имела ввиду моих родителей и просто поделилась текущими новостями с приятельницей.

Как утверждает мама, их как громом ударило – вот оно! Казалось бы, какая новость, полно детей ждёт своего часа, но они только в тот момент поняли, что надо уже не морочить голову, а брать готового ребёнка. Решили, даже не увидев меня, а уж когда познакомились – директор поспособствовала ускорить процесс и оформить в лучшем виде, то последние сомнения, если они и были, моментально испарились.

Я слушала и отмечала где-то на заднем плане, что не так уж это и страшно, как я думала. И вовсе даже можно с этим жить.

Выговорившись, мама замерла и посмотрела с явной тревогой.

– Мам, ты чего?

– Как ты, девочка моя? Мы с папой очень тебя любим, так и знай. Прямо, как родную. Вот и Алёнку мы тоже... – и она осеклась, сообразив, что ни к чему внучке знать, что там родной крови и в помине не было, а она ведь могла услышать сейчас обрывки разговора.

– Да я и не сомневаюсь в этом, – успокоила мамулю, как могла, а потом задала волнующий меня вопрос, – просто интересно, а кто мои настоящие родители? Ну в смысле, биологические.

Её как будто ударили. Похоже, мой интерес выглядел предательством – вот так заботишься лет двадцать о ком-то, а потом бац, и вопрос, а где же они, другие, настоящие? Звучит и правда очень обидно.

Но мамуля взяла себя в руки и с заметно вытянутым лицом выдала всё, что знала.

– Федора, я понимаю, что тебе интересно, но я почти ничего не знаю. Мы сразу делали усыновление с тайной, так что никто и не думал, что в это нужно вникать. Наверное, можно узнать у них, если ты хочешь... – в глазах её читалась почти что мольба, и я поняла, что если и буду искать, то уж точно сама, не посвящая их в подробности.

Пока ехали домой, Алёнка спросила с заднего сиденья, устав рассматривать сокровища – бабушкины подарки, всякую бесценную мелочёвку.

– А чего это баба грустная была?

– Всё в порядке, просто вспомнилось такое, от чего людям всегда хочется поплакать.

– А от чего тебе хочется плакать? Я никогда не видела, чтобы ты плакала.

– Даже и не знаю, Алёнка. Просто очень хорошо, когда ты с папой рядом, вот я и не плачу.

Срочно нужно было выговориться, и я набрала Маше – как она насчёт экстренного девичника в два лица в нашей любимой кофейне на Новом Арбате? Она подтвердила, что намёк понят, и я радостно бросилась пристраивать на вечер Алёнку – её папке, конечно.

Он с разумным пониманием относился к тому, что любому человеку иногда надо порадовать себя общением не только с детьми и мужьями. Особенно, если ты взял в жёны девушку лет на пятнадцать моложе и нагрузил дочкой от первого брака.

Получив зелёный свет, помчалась навстречу празднику – как будто это целое приключение, а не банальный кофе в компании одноклассницы. Но надо знать Машку – она умела делать жизнь зажигательной, хотя по её эксцентричному виду и смешных очках этого и не скажешь.

Уже почти доехав до места, поняла, что же меня так сильно тревожит – я впервые волновалась за Царёва, а не за Алёнку, оставляя их дома одних. Глупость, конечно, это же её родной отец, но сбросить смутный страх за него мне так и не удалось.

Поездка в детдом обернулась таким открытием, что не могу теперь спокойно смотреть на детей – всех, без исключения. А вдруг они тоже?...

Но ведь есть же гарантированно обычные люди. Маша, например, ещё вчера поставившая мудрый вердикт – «просто забить». При встрече она привычно пожаловалась на конский ценник на парковку в тихих и спокойных улочках, окружающих бурлящий Новый Арбат со всех сторон, а я, как обычно, ответила, что зато всегда есть свободные места.

Историю про то, как я оказалась неродная у своих родителей и даже смогла вспомнить кое-что из детдомовского детства, Маша выслушала хладнокровно, не забыв цинично припечатать, что она всегда подозревала, что со мной что-то не так. Это так на неё похоже – говорить, что думает, не щадя окружающих. Люди часто шарахались от такой навязанной правды, но мне это всегда в ней нравилось.

Вот и вчера, чётко и понятно – не стоит тщательно перетирать настолько далёкое прошлое. Узнала, что приёмная? Шок и ужас, берём с полки пирожок, едим и радуемся, что добрые люди обеспечили счастливым детством, целуем их и тут же закрываем тему, как благополучно пережёванную. Зачем бегать и искать кого-то, кто бросил тебя ребёнком? Что это даст? Свежую порцию острых ощущений? Это разве что мозгоправам потенциальную работу подкидывать.

Подруга моя всегда отличалась здоровым прагматизмом, но я же и не стала рассказывать подробности про призрак женщины в паутине и про моих маленьких чудищ. Мелькнула мысль признаться, как на духу, но я глянула так на Машку, аккуратно поддевающую десерт слишком длинной и неудобной ложкой и попутно стреляющую глазами в попытках оценить всех посетителей кофейни, и даже тех, кто за окном, и передумала. Человек с твёрдой и звонкой жизненной позицией не может допустить существование каких-то сомнительных теней в сумраке.

А мне пришлось разгрести последствия собственного любопытства.

Найти тот самый детдом труда не составило – я сразу поняла, про кого говорила моя мама, и с лёгкостью нашла довольно известную благотворительницу и директора солидного детского учреждения в Серебряном бору.

Узнала адрес, договорилась с Алёнкой «съездить со мной по делам» и нашла то самое здание за забором из чуть покосившихся полуразрушенных блоков с торчащей кое-где арматурой. Необычно для этого района Москвы.

Странное это было место. Территория поражала запущенностью, как будто здесь нарочно не ухаживали за садом, чтобы создать впечатление многовековой заброшенности. Надо сказать, удалось, и я сразу почувствовала себя не в своей тарелке, почти протискиваясь меж хлёстких веток кустарников от открытых настежь ворот и напрямиком к лестнице главного входа.

Фасад украшали позеленевшие барельефы и фальшивые колонны, а окна точно никто не мыл со времён царя Гороха. Не представляю, как мама могла назвать всё это «необыкновенный, чудесный дом».

Ничто здесь не казалось знакомым.

Алёнка всю вертела головой, но никакого смутения не испытывала, лишь откровенное любопытство.

Охранник при входе внимательно оглядел нас с Алёнкой, особенно задержавшись на её лице, выражающем яркую смесь интереса и дружелюбия, и сразу же проводил к директору.

Коридоры были пустынные, а тишину лишь изредка нарушали приглушённые закрытыми дверями разговоры. Не так я представляла себе заведение, где предполагается целая толпа детей.

Это даже хорошо, что мы не встретили никого из воспитанников, пока не пообщались с ней.

Встретить мертвяков без подготовки было бы довольно неприятно, но Зинаида Ивановна дипломатично сумела смягчить удар.

За порогом директорского кабинета атмосфера ощутимо изменилась – от гнетущей тишины и ощущения, что кто-то неслышно крадётся следом, не осталось и следа. Соловей Зинаида Ивановна, женщина без возраста и на редкость невыразительной внешности, встретила нас строгим взглядом и выждала паузу, прежде чем предложить сесть, но когда заговорила, то оказалось, что она прекрасно помнит меня и как будто давно ждала визита.

– Смотрю, ты всё такая же упёртая, как когда была маленькой. Если что тебе в голову втемяшивалось, то всё, уж ничем не выбить, – Зинаида Ивановна улыбнулась своим воспоминаниям и меня чуть передёрнуло при мысли, что же она могла иметь в виду. – А твоя подопечная? Такая же ходячая неприятность? Впрочем, можешь не рассказывать. Я и так всё вижу.

Алёнка несколько раз моргнула, прикидывая, понять ли сказанное как вызов или как похвалу, а я сразу перешла к делу.

– Раз вы, очевидно, меня узнали, то догадываетесь, зачем я пришла.

– Конечно, Федора. Как и многие другие до тебя, ты думаешь, что хочешь узнать правду. Большая ошибка. Радуйся, что у тебя всё в порядке, и не занимайся ерундой. Поверь моему опыту, здесь ты ничего хорошего для себя не найдёшь.

– Я всего лишь хочу заглянуть в своё личное дело. Неужели там есть что-то настолько пугающее?

– Ещё как. Твоё личное дело, кстати, сгорело. У нас тут был пожар в архивном флигеле, так что, – Зинаида Ивановна развела руками с карикатурным огорчением, – совсем ничего не осталось. Пепел, – она дунула на поднесённую к губам ладонь, и я вдруг отчётливо почувствовала запах гари и невыносимый жар, – так обидно.

– Но вы же можете дать мне ответы?

– Могу, милая моя девочка, но не дам. Нечего ворошить старое, да и в живых там уже никого не осталось. Некого искать. – директор повернулась к Алёнке и улыбнулась ей со значением, а потом снова посмотрела на меня уверенно и холодно. – Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Я просто хочу узнать хоть что-нибудь, неужели я не имею права?

– Про права вспомнила? А вот это даже забавно. Не каждый может выйти отсюда, но у тебя-то шанс был и уж ты воспользовалась им в полной мере. Очаровала парочку впечатлительных кандидатов на усыновление и – вуаля! Вот и наслаждайся нормальной жизнью, а мне не мешай работать, пожалуйста. Ещё куча всего...

– Так много дел у вас? А мне показалось, что детдом почти пуст. И мне совсем-совсем ничего не кажется знакомым здесь, можно хотя бы посмотреть свою комнату? Помню только её, и там ещё фонарь в окне.

Зинаида Ивановна нахмурилась, но неожиданно кивнула и торопливо встала.

– Хорошо, я отведу вас. Только имейте в виду, другие дети... Не обращайтесь на них внимания и не глазейте особо. У них нечасто бывают гости и могут быть странности в поведении. А потом на выход, и чтобы нигде не задерживаться. И сразу же договоримся, что тебя я больше

здесь не увижу с дурацкими вопросами. Впрочем, вот тебя, Алёнка, – директор наклонилась к ней и аккуратно взяла за подбородок, – я всегда рада видеть. Имей ввиду.

Не глядеть оказалось довольно трудно, зато поняла, как только вошла, что это та самая спальня. Даже стул у входа никуда не делся, только сейчас на нём не было ни призраков, ни живых людей. На кроватях сидели или лежали дети совершенно разного возраста, кроме парочки близнецов лет десяти, но все здесь явно школьники. Почти что обычные на вид, но при нашем появлении они дружно привстали и потянулись к нам так жадно, как будто из столовой наконец привезли долгожданный обед. По полу от них к нам побежал дымок, как позёмка, только чёрный.

– О, новенькие мертвяки! – высокий парень с длинными волосами оказался ближе всех. – Спасибо вам, Зинаида Ивановна, мы уж не ждали сегодня.

– Спокойно, Никита, – произнесла директор очень тихо, но позёмка исчезла, будто и не было, – это никакие не мертвяки, глаза-то разуй.

Я тогда просто не знала, был ли реальный риск стать обедом для этих детей, но те заметно поскущтели под пристальным и тяжёлым взглядом директора детдома, а она тут же оставила нас одних, попросив старшего проводить потом нас, подчеркнув – без глупостей.

Близнецы, невольно повторяя движения друг друга, как в зеркале, начали перешёптываться и хихикать, показывая пальцем на Алёнку, а долговязый Никита отсалютовал вслед уходящему строгому начальству и плюхнулся на кровать.

– А ты что, новенькая? – он смерил Алёнку другим, оценивающим взглядом. – Совсем ещё зелёная, как я посмотрю. Небось и не умеешь ничего?

Алёнка смущенно пожала плечами – удивительно, но она ничуть не робела, хотя была младше их всех и никогда ещё не сталкивалась целой кучей таких же чудищ, как и она сама.

– Ну ясно. А это тебе кто, мамка, что ли? – Алёнка кивнула и долговязый переключил внимание на меня. – А вы красивая. Зачем дочку хотите сдать? Надоели постоянные несчастные случаи? Нет, я всё понимаю, – в его тоне сквозило пренебрежение, как будто я лично его обидела, – хотите жить скучной обывательской жизнью и не бояться засыпать в своём доме. Всё, как всегда, ничего нового.

Девушка с нелепой стрижкой и плохо окрашенными волосами, никогда не знавшими хорошего ухода, подошла поближе и подняла руку, чтобы потрогать мои волосы, но в последний момент передумала.

– Как думаете, Зинаида Ивановна не будет сильно ругаться, если я чуть-чуть... У неё волосы такие клёвые, правда? – она нагло стояла прямо передо мной и вела себя, как будто я просто бессловесная кукла. Кто-то из девочек усмехнулся.

– Валяй, – долговязый махнул рукой, – мы тебя прикроем, если что.

Девушка кивнула и её раскосые серые глаза оказались совсем близко.

– Не бойся, красавица, ты ничего не почувствуешь, – я скорее поняла, чем увидела, как она пытается окутать мои ноги мутными клочками тумана, и тут мне стало дико смешно. Девчонка крала мои волосы! Она просто захотела приукрасить свою жалкую шевелюру, сделать её погуще за счёт моей. И ещё я поняла, что ей легко бы это удалось, просто она неправильно выбрала донора.

В её уверенных глазах сначала мелькнула досада, а потом и страх.

– Ты что, ведунья? – девчонка отшатнулась, – Какого лешего директриса нас не предупредила!

– А ты что, обожаешь обворовывать гостей? – это всего лишь мелкие и слегка напуганные чудища, получившие отпор. Вдруг стало так легко и свободно дышать, а унылая сиротская комната превратилась в поле для давно забытой игры – моей игры.

– Да ты знаешь, где я видела таких гостей, как ты... – девчонка разве что не шипела. – Шла бы ты домой, тётя!

– Маму мою нельзя трогать! Поняла? – пискляво погрозила Алёнка, до того стоявшая, разинув рот, и взяла меня за руку, – Пойдём отсюда, они плохие.

– И не надо нас провожать! – я вспомнила достаточно, чтобы самостоятельно найти обратную дорогу. Алёнка крепко вцепилась в меня и возмущённо сопела, пока мы брели к выходу.

На самом деле, мы почти проскочили мимо той приоткрытой комнаты в конце коридора, но Алёнка вдруг потянула носом и застряла, как будто учуяла необыкновенную вкуснятину.

Я даже не успела ничего сделать, как её маленькая ладонь выскользнула из моей и она сунула туда нос, распахнув дверь пошире. Внутри вплотную стояли люди с закрытыми глазами – серая, увядшая кожа и жутко тонкие лодыжки заставляли задуматься, а как они вообще держаться на ногах.

Алёнка всплеснула руками и от них со всех сторон побежали тонкие струйки, клубясь и переплетаясь. Я еле успела оборвать поток, а Алёнка удивлённо посмотрела на меня.

– Мам, ты чего, не поняла? Это и есть мертвяки. Всё нормально.

Алёнка даже брыкалась, когда я уводила её подальше от комнаты с мертвяками. Похоже, они нечто вроде легкоусвояемого фастфуда для чудищ, а я очень испугалась, что, распробовав такое, она теперь будет реально опасна для окружающих, и мне придётся караулить её каждую секунду.

Перед глазами встали всплывшие в памяти картины – соседи по комнате налетают на такого же мертвяка и ошипывают его, как липку, а я стараюсь не обращать внимания и играю в куклы, потому что знаю – буду мешать им, и они станут дразнить меня. Но они всё равно недолюбливают меня, потому что я не такая, как они.

И ещё помню худощавого рыжего мальчишку с веснушками, всё время норовившего пихнуть меня локтём или ногой, пока никто не видит, а я от обиды глотаю слёзы, но не жалуясь, хотя это и нечестно, я же их не трогаю.

В первый раз мертвяков приводят к нам вполне ещё бодрыми и даже говорящими, но видно, что они не очень понимают, зачем здесь. Все следующие разы они всё меньше похожи на людей, а под конец даже кажется, что это лишь призраки – жизнь в них еле теплится.

После похода в детдом Алёнка изменилась и стала активно интересоваться любой возможностью нырнуть в толпу людей. Всегда, когда мы случайно оказывались среди них, я видела, как Алёнка присматривается и будто бы выбирает. Мне всё труднее было удерживать её рядом, на расстоянии вытянутой руки, и придумывать для Царёва причины, почему мы не можем отдать её на какие-нибудь детские развивающие занятия, чтобы она свободно пообщалась со сверстниками под присмотром воспитателей.

Не могла же я сказать ему, что не хочу потом увидеть, как Алёнка жадно и почти без разбора собрала себе всё, что ей понравилось в этих бедолагах – может быть, способность красиво рисовать животных или петь, и раздавать это всё обратно, натыкаясь на бурное её возмущение. Хуже всего то, что иногда я всё равно упускала Алёнку из виду и не всегда могла потом найти тех, кого ограбили, и к школе она уже была настоящим чудо-ребёнком, полным скрытых или явных талантов.

С другой стороны, Царёв не мог жаловаться – дочка радовала папу своими успехами во всём, за что ни возьмись.

Откуда берутся мертвяки, я узнала, когда Алёнка пошла в школу.

Мне пришлось обещать ей, что если она не будет трогать людей в школе, то я уговорю её отца поехать летом всем вместе в отпуск туда, куда она скажет. До сих пор я всегда старалась выбирать места вроде бунгало на берегу океана, а вокруг – ни души. Царёва такой вид отдыха вполне устраивал, ему круглосуточного веселья хватало и на работе, а я предпочитала чуть ослабить хватку и не переживать, что Алёнка может натворить среди беспечных туристов.

Не знаю, чем именно ей приглянулась та учительница. Возможно, просто понравилось, как здорово она умеет всё объяснять – Алёнка с восторгом рассказывала после уроков, как хорошо Мария Викторовна отвечает на вопросы и вообще учит других детей делать новое и непонятное.

Я поняла, что происходит неладное, когда через месяц после начала занятий нам объявили, что у нас замена. Родительский чат забурился, ведь многие выбирали педагога начальных классов чуть ли не с лупой, а слухи пошли довольно странные. Писали, что она то ли очень серьёзно заболела, то ли трагически потеряла кого-то, то ли просто рассорилась с головой.

Через пару дней встретила её у школы, когда ждала окончания последнего урока, чтобы забрать Алёнку. Мария Викторовна как раз вышла через калитку около парковки и стояла у забора, крепко обхватив руками папку с бумагами. Я выскочила из машины и подошла к ней, чтобы поговорить, а она подняла на меня совершенно пустые глаза и сказала, что извиняется, но она не помнит, кто я такая и чья мама. Точь-в-точь, как новенькие мертвяки – потерянная и слабая.

То есть выглядела она полностью здоровой, но я чувствовала, что её лишили чего-то самого важного, без чего жизнь потеряла для неё всякий смысл. Похоже, Алёнка забрала себе не просто удобную способность, а настоящее призвание, без которого всё рассыпалось, как карточный домик.

А дальше учительница Мария Викторовна просто пропала.

В школе лишь разводили руками и явно тяготились расспросами, а в итоге сказали, что она уволилась по собственному желанию и вообще администрация справок не даёт, претензии к обучению есть, ах нет, тогда до свидания.

Конечно, домашний адрес я всё равно добыла.

Обычная московская многоэтажка со двором, забитым под завязку машинами даже в будний день. Дверь открыла бойкая пенсионерка из тех, кто на проверку всегда оказывается главным по подъезду и твёрдо знает, кому и как следует себя вести. Аккуратная стрижка и ногти в полном порядке, и даже лёгкий макияж имеется – наверняка, за хлебом сегодня выходила или мусор выносила, а в народ как без парада?

Квартира тесная и отчётливо дамская – ни малейшего следа мужского присутствия. Всюду разросшиеся комнатные растения и тонны сувениров из тех, что сразу тянет выкинуть, если вдруг ими одарят, но ведь кто-то же бережно хранит такое и радуется, протирая пыль на полках.

Мама учительницы кокетливо попросила звать её тетей Вале́й, и только усадив меня пить чай с вареньем-печеньем, она приготовилась слушать, по какому я вопросу.

Я рассказала, что моя девочка учится в первом классе у её дочери и мы все в родительском комитете очень переживаем, куда же пропала наша любимая учительница. Тётя Валя была польщена вниманием и тут же выдала, что у Машеньки вдруг началась такая тоска, такая тоска, что хоть вой, и что она была вынуждена обратиться к проверенным бабкам-знахаркам за помощью.

Деликатно уточнила, не пробовали ли они сходить для начала в районную поликлинику, но возможности классической медицины были тут же подвергнуты тётей Вале́й такому глубокому остракизму, что мне стало даже неловко за свои смехотворные идеи.

Не знаю, кстати, что бы сказали врачи, приведи им на приём настоящего свежего мертвяка, но здесь всё было очень лихо – тётя Валя бодро нашла в интернете контакты некой то ли потомственной колдуньи, то ли ещё кого из этих, но главное – с очень твёрдой гарантией и целой простыней восторженных отзывов.

Тётя Валя без колебаний вручила свою родную дочь в руки этих квалифицированных специалистов и спокойно ждала теперь, когда ей вернут Машеньку в прежнем виде – востор-

женную незамужнюю учительницу тридцати лет, страстно любящую своих учеников, а не безжизненного манекена, еле складывающего слова в предложения.

Контактами столь ценного и редкого целителя тётя Валя с воодушевлением поделилась, сообщив между прочим, что женщинам в беде у них положена скидка, так на сайте написано, так что я не должна дать себя облапошить по молодости лет.

По телефону ответили чуть снисходительным грудным голосом, но довольно сбивчивую и только что выдуманную историю про обманутую жену выслушали внимательно и уточнили только две вещи – от кого я о них узнала и сколько наличных нужно приготовить.

Принимали они в подвале старого кирпичного здания недалеко от бывшего автозавода имени Лихачёва, и узкая лестница с железной дверью внизу и банальной надписью «Дом быта» никак не могли приготовить посетителей к тому, что на самом деле скрывалось внутри. Здесь работала семейная пара из бывших южных республик, можно было сделать ключи или поменять молнию, но когда я сказала, зачем пришла, то меня с таинственным видом и сомнительными комментариями на непонятном лающем языке провели куда-то вглубь по душным и полутёмным коридорам.

Там в невообразимо вычурной и аляповатой обстановке сидела маленькая толстая женщина, вырядившаяся в смесь гадалки и певицы начала прошлого века. Она похлопала по сомнительной чистоты матрасу рядом с собой и величественно предложила присесть, и я тут же узнала её по голосу – это она разговаривала со мной по телефону.

Я неторопливо прислонилась к дверному косяку и прикрыла глаза, чтобы точнее определить, где мертвяк. Его приторный запах я почуяла сразу, как только спустилась в подвал, а сейчас он был настолько сильный, что мне даже трудно было понять, откуда конкретно он идёт.

Открыла глаза и увидела, как горе-целительница встревожилась, что клиент выпадает из нормального процесса по подготовке к расставанию с денежными знаками. Она вскочила и бойко залопотала что-то про ауру или карму, которые нужно то ли почистить, то ли удалить, но вслушиваться я не стала.

Судя по всему, мертвяк был где-то неподалёку, и я пошла вперёд, ловко ускользнув от настойчиво наступающей толстушки, и отдёргнула большое цветастое покрывало, прибитое под потолком. Там открылась небольшая ниша с длинной скамьёй вдоль стены. В дальнем углу сидел сильно осунувшийся тип с недельной щетиной и всклокоченными волосами, но во вполне приличной одежде, только здорово измятой. Это был ещё свежий мертвяк, и я отпрянула от его равнодушного и уставшего взгляда. Он вполголоса пробормотал что-то вроде приветствия и отвернулся.

– А где учительница? – я схватила целительницу за плечи и почувствовала, как пульсирует в ней гнев. Мне удалось вынести этот яркий сгусток энергии за пределы человеческого тела и он рвался теперь обратно, но я могла бы перелить его и в мертвяка, если бы захотела. Но я не стала, а просто держала этот маленький вихрь прямо перед носом хозяйки. Целительница от ужаса побледнела, как снег, и тут же начала оправдываться.

Выяснилось, что им уже заплатили за обоих мертвяков и она никак не может отдать мне оставшегося, но если я готова подождать, то максимум через неделю смогу забрать себе другого мертвяка. Конечно, бесплатно, а дальше – как договоримся, но, судя по её округлившимся от страха глазам, она явно была готова к уступкам.

Поняв, что меня интересует только учительница, хозяйка достала из кармана и сунула мне в руки бумажку, на которой был нацарапан адрес. Мельком взглянув, сразу поняла, что это мой детдом в Серебряном бору. Теперь ясно, откуда их там столько – мертвяков. Налаженные каналы поставок.

На шум прибежали остальные работники, но целительница сделала им знак, и те быстро исчезли из поля зрения. Уходя, бросила хозяйке, что буду за ней присматривать, а та заверила, что продаёт только мертвяков, а остальным – очень даже хорошо помогает, никто не жалуется.

Возможно, она и правда что-то там могла, раз увидела мой фокус с вихрем, а когда я всё-таки вернула его на место, заметно расслабилась и принялась благодарить меня.

У меня ещё было время до того, как пора будет забирать Алёнку из школы, так что я поехала прямо в детдом и припарковалась чуть подальше, размышляя, как буду вытаскивать Марию Викторовну. Насколько я поняла, мертвяков хранили в главном здании на первом этаже, а единственный способ попасть туда, минуя охрану, был влезть через окно с противоположной стороны – там должно было быть не слишком высоко.

Хорошо, что я была в джинсах – перемахнув через забор, рванула напрямик сквозь заросли и чуть не застряла там, зато с окном повезло – форточка была открыта, так что я легко вскарабкалась на карниз и просто сдвинула внутренний шпингалет.

Внутри было тихо, так что я быстро прошмыгнула мимо лестницы и дальше по коридору, а потом заглянула в первую же комнату. Там по-прежнему толпились мертвяки, только старые и уже почти никакие. Новые нашлись чуть дальше, в соседней комнате, – Мария Викторовна смиренно сидела на одном из стульев, стоявших рядами, словно в пустом зрительном зале.

Я торопливо заговорила с ней, но она не слушала, а только молча кивала, а потом вдруг заплакала. Тогда я просто потащила её за собой, надеясь, что нас не застукают. Особенно трудно было заставить её вылезти в окно – пришлось просто спихнуть и она неловко упала на ярко-жёлтый ворох кленовых листьев, но обошлось, кажется.

Добравшись до спасительного забора, я обернулась и увидела в окне чью-то фигуру, но она тут же исчезла. Может быть, просто показалось.

Тётя Валя встретила свою молчаливую дочь с изумлением, но с готовностью засуетилась, устраивая её поудобнее. Мария Викторовна безучастно взирала, как её обкладывают подушками и закутывают в плед, но пила чай, если поднести чашку ко рту, и даже механически жевала предложенную еду.

Пришлось в красках рассказать тёте Вале, что её дочь продали чёрт знает куда, так что впредь она ни в коем случае не должна отдавать её сомнительным лицам, а если что – звонить сразу мне. Обескураженная и притихшая тётя Валя покивала и обещала выполнить всё в точности, но я чувствовала, что она до конца не уверена.

Забрав Алёнку из школы, осторожно расспросила, как прошёл день, а та как ни в чём не бывало пожаловалась, что прошлая учительница нравилась ей больше.

Это уже никуда не годилось. Мало того, что Алёнка превратила свою первую учительницу в мертвяка, нарушив строжайший запрет трогать людей в школе, но она ещё и так по-детски не осознавала, что из этого вышло. Или делала вид, что не понимает.

В любом случае, настало время преподать ей наглядный урок.

Я ласково улыбнулась и спросила, не хочет ли она прямо сейчас навестить Марию Викторовну. Та на мгновение глупо разинула рот, а потом нашлась и деланно обрадовалась, озадаченно похлопав ресницами. Всё-таки знает, что натворила, и боится наказания. Ну что же, поглядим, как у тебя с сочувствием и исправлением ошибок.

Поехали к тёте Вале – заодно и проверить, как там наша учительница и не сдала ли родная мать её снова каким-нибудь предприимчивым проходимцам. И я отчаянно надеялась, что мне удастся откатить всё назад, как это раньше всегда получалось с теми, кому не повезло приглянуться Алёнке.

Алёнка надулась и смотрела через пассажирское окно, делая вид, что там что-то интересное, когда мне вдруг позвонил Царёв. Он всего лишь хотел предупредить, что очень поздно придёт сегодня – какие-то срочные дела по работе. Я бы и внимания не обратила, но голос у него действительно был весьма странный. Алёнка неожиданно посмотрела прямо на меня и с вызовом сообщила, что папка врёт, она это точно знает. Прозвучало, как оплеуха, и я растерянно промолчала в ответ.

Способность безошибочно различать враньё она подцепила у одной из своих жертв, но я впервые видела, как она с таким удовольствием поделилась своим наблюдением. У меня даже на секунду перехватило дух – ей всего семь лет, а она уже играет так жёстко.

Мария Викторовна так и сидела на диване, как я их оставила, а вот тётя Валя сильно приуныла. Даже в том, как она встретила мою девочку, чувствовалась усталость – да она меня утром чуть ли не с караваем привечала, а сейчас – уже совсем не то.

Увидев учительницу, Алёнка слегка занервничала – конечно, кому понравится такое удручающее зрелище, когда ты ему виной. От очередных плюшек с чаем мы вежливо, но решительно отказались, и я попросила Алёнку чуть приобнять учительницу – так было проще пере-
лечь обратно украденное. Она нерешительно подошла поближе, постоянно озираясь, словно я вдруг передумаю и мы просто уедем домой. Мария Викторовна не реагировала и лишь слабо шевелила губами, глядя куда-то вдаль. Алёнка подняла руки и прильнула к ней, чуть наклонившись и уткнувшись в растрёпанные кудрявые волосы.

В них так и остались обрывки листьев, прицепившиеся, пока мы выбирались из детдома – странно, что тётя Валя до сих пор так и не убрала их. И ещё – как же я раньше не заметила? – над виском приклеился кусок паутины, от которого мне почему-то стало не по себе. Я даже обернулась проверить, нет ли тут призраков, но никого не нашла, конечно.

Что-то пошло не так. Я пыталась всё исправить, но чувствовала в мертвяке лишь дыру без дна, которую нельзя было наполнить. Она не принимала обратно свой дар.

Алёнка выпрямилась и виновато посмотрела на меня.

– Поедем домой, мама. Обещаю, я больше так не буду.

Что мне оставалось? Вечер выдался грустным и одиноким. Алёнка не захотела ужинать, а быстро сделала нехитрые уроки и рано легла спать, попросив её не трогать – надеюсь, она осваивает на практике такое понятие, как муки совести.

Я вышла на балкон и долго смотрела на огни города, представляя, как Царёв вернётся и я честно расскажу ему, что случилось. Мне почти удалось верить, что всё так и будет, но когда он пришёл уже за полночь, то лишь сухо бросил, что смертельно устал и тут же завалился спать. Он даже не спросил, как Алёнка, а такого раньше никогда не бывало.

С неделю мы делали вид, что ничего не произошло. Алёнка ходила в школу притихшая и вела себя, как паинька, а Царёв замкнулся в себе и, кажется, вообще ничего не замечал.

Я уже думала, что так всё и останется, когда мне позвонила тётя Валя. Я даже не сразу её узнала, такой слабый был голос. Она еле-еле произнесла: «Приезжай, пожалуйста, помоги мне!», – и повесила трубку.

Долго ждала, пока мне откроют, и прислушивалась к беспокойной трели звонка. Наконец услышала шаркающие шаги и звук проворачивающегося замка – дверь открылась, и из квартиры отчётливо повеяло страхом.

За прошедшую неделю тётя Валя превратилась в измождённую и худую старуху, еле передвигающуюся по дому. Я поняла, что она сразу услышала звонок, просто ей понадобилось столько времени, чтобы добраться до входа. Тётя Валя попыталась что-то сказать, но у неё не хватило сил и она прислонилась к стене, чтобы не сползти на пол.

Подхватила её и повела на кухню – лёгкую, словно пушинку. Все цветы на подоконнике увяли – торчат сухие и безжизненные, целиком опутанные паутиной. Мебель, стены, пол и дурацкие безделушки – всё в пыли, словно никто не жил здесь уже несколько лет.

Аккуратно посадила тётя Валью на стул и налила воды из чайника. Та жадно схватила стакан обеими руками и выпила до дна.

– Я боюсь её, – прошептала она и с мольбой посмотрела на меня, – у нас в подъезде просто ужас, что творится. Соседка слева совсем слегла, а у неё была стойкая ремиссия, все подружки радовались. Увезли её по скорой. Семью напротив вчера забрали за бытовуху, полиция еле успела приехать и их растащить, а то совсем худо было бы. Справа жила бабушка – божий

одуванчик. Два дня назад дети приехали навестить, а она уже... И ведь бодрая такая была, всё говорила, что опять собирается на будущий год рассаду сажать, так у неё обычно пол подъезда излишки забирали, хорошая уж очень рассада всегда получалась.

– А где она? Где Мария Викторовна?

– Она там, – тётя Валя ткнула пальцем в сторону спальни. – Но я туда не пойду. Боюсь я очень. Она так смотрит... Жутко делается.

Спальня вся была в паутине, но когда я осторожно прикоснулась к переплетённым волокнам, затянувшим дверной проём, те моментально рассыпались в труху. Мария Викторовна полулежала на кровати около окна и выглядела мирно спящей, но слишком яркий румянец наводил на мысль о лихорадке. Я потрогала её руку, лежащую вдоль туловища, и поразились, насколько та была ледяная. Мария Викторовна внезапно раскрыла глаза и посмотрела в упор – теперь в её взгляде появилась какая-то сила, как равнодушный смерч, затягивающий всё вокруг. Она обхватила мою ладонь холодными цепкими пальцами и тихо сказала: «Уходи».

Раньше никогда не видела мертвяков в этой стадии – она была словно чёрная дыра, поглощающая всё живое. Её нельзя было оставлять здесь, потому что она только набирала силу, и я чувствовала, что дальше будет гораздо хуже.

Я вернулась на кухню и обещала тёте Вале, что заберу её дочь насовсем, точнее то, что от неё осталось. Мне даже не пришлось выдумывать, что будет дальше, а та сразу согласилась и вздохнула с видимым облегчением. Ей действительно было всё равно, лишь бы прекратить всё это.

Поднять Марию Викторовну с кровати оказалось несложно, и я торопливо вывела её прочь из опустошённого дома. Она безучастно наблюдала, как её везут в машине, и лишь увидев здание детского дома, слегка заволновалась.

На этот раз директор Зинаида Ивановна встретила меня прямо у главного входа и сразу приказала охраннику отвезти слегка дезориентированную Марию Викторовну к остальным мертвякам, а потом с усмешкой повернулась ко мне.

– Ну что, Федора, поговорим? В этот раз ты решила не лазить через окно, а войти, как все нормальные люди, с парадного входа?

– Вы знали, что это была я?

– Ну конечно. Ты должна была сама во всём убедиться, так что я позволила тебе поиграть в кошки-мышки.

– Убедиться в чём именно? – но я уже знала ответ.

– В том, что бывает, если оставить мертвяка среди людей.

– А исправить это никак нельзя?

– Я не знаю способа, – Зинаида Ивановна пожала плечами, – так что единственный вариант, это скормить их моим детям. В последний раз, когда об одном-единственном мертвяке никто не позаботился, это закончилось мировой войной.

Мы ещё долго сидели в кабинете директора, но основное было сказано сразу – тех, кто не может присмотреть за своими мертвяками, держат взаперти, и точка. За несмышлёных детей могут отвечать их родители – а хоть бы и мачеха, и у меня сразу появляется интересный выбор. Я могу отдать им Алёнку, как не умеющую себя вести, и они сами, на свой собственный лад, станут учить её уму-разуму, или я твёрдо гарантирую, что такого больше не повторится.

Они и не требуют, чтобы мертвяки вовсе не возникали – по традиции на подобное смотрят сквозь пальцы, никто же не застрахован. Главное, чтобы этого мертвяка как можно быстрее переправляли в место, где его надёжно пригасят, потому что глобальные потрясения никому не нужны. В Москве это как раз и есть детдом в Серебряном бору. Нужны будут ещё адреса, дадут без проблем. На всех континентах и вообще где душеньке угодно.

На вопрос, может ли сама Алёнка «поглотить» мертвяка, Зинаида Ивановна хмыкнула и скептически отметила, что такое тоже допускается, но она никому из обычных людей не пожелала бы находиться рядом, и как насчёт моего мужа? Не жалко его? Вроде бы до сих пор считалось, что у нас удачный брак? Мне не понравилось это «вроде бы», но суть я уловила.

И ещё мне показалось, что Зинаида Ивановна словно бы жалеет меня, отчего сразу захотелось закусить удила и бежать, сломя голову, доказывая им всем, что я справлюсь.

Конечно, я не могла вот так взять, и хладнокровно сдать падчерицу в детдом. Не для того я потратила столько сил, воспитывая её и оберегая. И дело даже не в Царёве – Алёнка по факту была теперь и моим продолжением тоже.

На этот раз Зинаида Ивановна вызвалась проводить меня лично, и, когда мы словно бы ненароком прошли мимо классной комнаты, откуда доносились невероятные по своей выразительности звуки игры на фортепиано, я поняла, зачем это было ей нужно. Дверь осталась призывно распахнутой, а на первой парте сидела та самая девочка из парка, которая из-за лохматого щенка чуть не потеряла бабушку – я сразу её узнала. Похоже, судьба её оказалась менее счастливой, чем Алёнкина, и просто не нашлось взрослых, готовых подчищать неприглядные хвосты существования маленького чудища.

Подъезжая к школе, сообразила, что во всём этом есть и положительная сторона. Угроза сдать строптивую девчонку в детдом, если что, это и есть тот самый рычаг, которого мне не хватало. До сих пор просто нечем было держать Алёнку в узде – давить авторитетом, конечно, можно, но постоянно нависающая тень матери, про которую, уверена, она не забыла, хотя и уже давно не вспоминала, и скользкий статус мачехи – всё это не то, надолго не хватит.

Алёнка вышла из школы, аж подпрыгивая от радости, и с гордостью рассказала, как мальчишки выбрали её самой красивой в классе, а одноклассницы чуть не лопнули от зависти. Жаль стало расстраивать, и я решила отложить разговор. Алёнка витала в облаках и даже сама предложила пойти погулять после обеда – сходить в парк, как в старые добрые «дошкольные» времена.

Пока я мысленно подбирала слова, она углядела на улице объявление – похоже, оно было очень свежим и ещё не успело потонуть под бесконечными слоями новой рекламы.

– Мама, смотри, это же Красная шапочка! Ты помнишь её? Она ещё чуть не слопала свою бабушку, – ей даже смешно это сейчас показалось.

Объявление с размазанной, но узнаваемой фотографией лаконично сообщало про пропажу ребёнка и обещало денежное вознаграждение за любую информацию. И мобильный телефон в конце. Повинуясь порыву, я всё сфотографировала.

– А я её как раз видела сегодня, представляешь, – спокойно начала разговор, – твою Красную шапку.

– Ух ты! И где? А давай позвоним и выиграем деньги! – она всё ещё не заподозрила подвох.

– В детдоме. Помнишь это место?

– Да, мамочка, – вот теперь её глазах мелькнула тревога.

– Я отвезла туда учительницу, которую ты сделала мертвяком. Она совсем плохая стала, гораздо хуже, чем ты видела. Директор сказала, что заберёт и тебя тоже, если только я не возьмусь присматривать за тобой, и чтобы никаких глупостей.

– А Красную шапочку за это забрали? За мертвяка?

– Конечно.

– Мамуля, ты же меня им не отдашь? – она побледнела и стала удивительно похожа на загнанного зверька.

Некоторые решения стоят нам слишком дорого, но чаще всего оказывается, что изменить на самом деле ничего было нельзя.

Царёв теперь вечно задерживался на работе, а когда иногда я смотрела на Алёнку, выслушивая по громкой связи его крайне неловкие объяснения, то она отводила глаза, не желая признавать очевидное. Конечно, она прекрасно видела, что дело нечисто, и парадоксальным образом чувствовала вину за отца. Бедная девочка, ей и так хватало переживаний после истории с мертвяками, она же теперь жутко боялась хоть как-то расстроить меня.

А в чём настоящая причина, я всё-таки выяснила.

У одного влиятельного чиновника из важного для Царёва министерства обнаружилась родная дочь, девушка энергичная и полная всяких скрытых талантов – некая Зоя Олушкина. Она решила, что хочет попробовать себя в бизнесе, и не придумала ничего лучше, чем пролезть в руководство какой-нибудь очень крупной компании, используя папины связи.

Компанией, конечно, оказалась маленькая и скромная микро-империя Царёва, а он сам тоже показался ей человеком достаточно интересным, чтобы проводить с ним многие часы, не обращая внимания на разницу в возрасте и смущенные взгляды многочисленных сотрудников. Нет, они-то не проболтались – кремль, а не персонал, но как раз тут мне очень помогла Машка.

Подружка внимательно выслушала мои не то, что сомнения, а лютую уверенность, и прямо глядя в глаза строго спросила – хочу ли я на самом деле знать правду, или мне предпочтительнее пребывать в счастливом неведении? Последнее – тоже отличный выбор, кстати, большинство людей именно так и поступает – делает вид, что оно ослепло и оглохло. Рабочий вариант.

Машка уже достаточно давно работала журналистом, так что узнать всю подноготную проблемы для неё не представляло. Я выбрала правду, что бы мне это ни стоило. Впоследствии много раз жалела о принятом тогда решении, но... Что сделано, то сделано.

Зоя Олушкина была настолько же прекрасна, насколько ужасно выглядели её сводные сёстры. Как оказалось, её отец рано овдовел и вскоре женился во второй раз – на милой женщине с двумя дочерьми. Аккаунты нашей красотки Олушкиной пестрели семейными фотографиями, на которых эти бедные сёстры просто не знали, куда себя деть, настолько плохо они смотрелись на фоне яркой и безупречной Зои. Впрочем, не думаю, что кто-то их вообще замечал.

Удивительно, но даже я не сразу догадалась, в чём дело.

Машка устроила мне «случайную» встречу в одном из ресторанов, чтобы я смогла как следует рассмотреть соперницу, оставаясь в тени.

Девушка впорхнула в зал, заставив отвлечься почти всех мужчин в пределах досягаемости, а за ней тенью прошмыгнули её сёстры: несуразная пышка и прямо-таки ходячая жердь. В этот момент между столиками навстречу им пошла молодая женщина с таким особенным, очень робким и застенчивым взглядом, от которого окружающие наперебой бросаются спасать и от чего угодно защищать его счастливую обладательницу. Обычно подобное можно встретить лишь в кино, очень редкое явление.

Зоя Олушкина изящно разминулась с дамой, но я успела заметить, как между ними пробежал дымок, почти невесомая струйка, и глаза её потухли, потеряли всю свою магию, тогда как Зоя на мгновение обрела тот самый взгляд, тотчас спрятанный до поры до времени под маской непринуждённой уверенности.

Какова! Всю жизнь обдирали сестёр и всякого, кто под руку попадётся. Похоже, больше всего Зою интересовала собственная внешность, так что это вполне объясняет, почему бедные родственники всё-таки выжили, хотя и превратились в ходячих страшилищ.

Еле справилась с порывом тут же вернуть всё обратно – жаль, конечно, обворованную женщину, но я знала, что такое вмешательство выдаст меня с потрохами, так что решила про себя, что видно уж судьба у неё такая – лишиться эффектного дара, случайно попавшись на глаза чересчур жадному чудищу.

Зато у сестёр-дурнушек даже и шанса не было, слишком давно они растеряли всё ценное, чем когда-то владели. Пока я пыталась понять, в чём секрет столь гипнотического воздействия Зои Олушкиной на своих стародавних жертв и зачем она таскает их за собой повсюду, Машка ойкнула и схватила меня за руку, чуть не проткнув ногтями. Я только успела ругнуться, зачем такое вытворять, больно же, а она торопливо и взволнованно зашептала.

Врождённая Машкина наблюдательность, помноженная на профессиональный журналистский навык, позволила ей увидеть то, что никто и никогда не замечает даже под самым своим носом – как бедная жертва лишилась своей характерной особенности, передав её хищнику.

Она всё спрашивала, видела ли я то же, что и она, и вспоминала какого-то Ваню. Причём тут Ваня, я поняла не сразу.

Оказалось, что как-то раз Машка очень и очень круто зависла со своим одноклассником – точнее, с целой развесёлой компанией, где единственным человеком, срок знакомства с которым перевалил за несколько часов, был как раз тот самый Ваня Волков, шалопай и хвостун.

Животрепещущие подробности мероприятия Машка, по счастью, опустила, быстро перейдя к сути – когда уже трудно было понять, это всё ещё ночь или уже считается утро, Ваня начал рассказывать какую-то несусветную дичь. Про то, как он охотится на страшных существ, способных забрать у других беззащитных человеческих овечек гораздо более важные вещи, чем наличность из карманов или даже карточку с кодом.

Тогда Маша решила, что мальчик просто увлёкся или пересмотрел триллеров, но сейчас стало ясно – всё правда. Она лично увидела, что произошло, и намерена теперь разобраться.

Я узнала этот блеск в её глазах – почуяла достойную дичь и со следа не слезет. Мне была уготована роль восторженного зрителя, но зато в первом ряду – обещали даже взять с собой на серьёзный разговор с горе-охотником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.